

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д78

Серия «Звезды зарубежной прозы»

Ruth Druart
THE LAST HOURS IN PARIS

First published in the English language
by Headline Publishing Group Limited.
Печатается с разрешения издательства
Headline Publishing Group Limited.

Перевод с английского *Ирины Литвиновой*

Оформление обложки *Василия Половцева*

Дрюар, Рут.
Д78 Последние часы в Париже: [роман] / Рут Дрюар; — [перевод с английского Ирины Литвиновой]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Звезды зарубежной прозы).

ISBN 978-5-17-132843-6

Париж, 1944 год. Элиза Шевалье знает, что такое любить... и ненавидеть. Ее жених, молодой французский солдат, был убит на линии Мажино. Живя среди врагов, Элиза должна скрывать свою ярость.

Однажды она знакомится с Себастьяном Кляйнхаусом, который приехал в Париж в качестве переводчика. Вынужденный носить форму, которую презирает, Себастьян жаждет иной жизни.

Бретань, 1963. Найдя чемодан под кроватью матери, восемнадцатилетняя Жозефина Шевалье раскрывает тайну, потрясшую ее до глубины души. Решив докопаться до истины, она отправляется в Париж, где узнает историю запретной любви и предательства, которое навсегда изменит жизни двух молодых людей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-132843-6

Copyright © 2022 by Ruth Druart
© Литвинова И., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Сандре и Майклу, моим родителям.
Спасибо за то, что позволяли мне
взбираться на любые деревья.
И были готовы подхватить меня, если я упаду.*

«Любить, познать любовь — этого достаточно. Не просите большего. В темных глубинах жизни нет других жемчужин».

Виктор Гюго, *«Отверженные»*

Пролог

— Я тебя даже не разглядела толком, когда увидела в первый раз.

— Ты видела только военную форму.

— Да, и она меня напугала.

— Ну, я тоже едва взглянул на тебя.

Она легонько ущипнула его за щеку.

— Неужели?

— Я знал, что ты не хочешь привлекать внимание. Тем более — мое внимание. Но я тебя приметил. — Он поиграл с ее пальцами. — И ты меня заинтриговала.

— Продолжай, — подбодрила она его.

Его тронуло, что она хотела слышать, как он говорит о ней: — Ты показалась мне дерзкой. И храброй. Я знал, что ты боялась тех полицейских, но виду не показывала. — Он отпустил ее пальцы. — Меня это восхитило. — Он провел рукой по ее волосам. — Но я чувствовал, что ты можешь попасть в беду.

— Ты подумал, что спасешь меня?

— Нет. — Он пристально посмотрел на нее. — Я знал, что это ты спасешь меня.

Часть первая

1963

Глава I

Бретань, май 1963 года

Элиз

Я смотрю из эркера на море — волны бьются о серые скалы, белыми брызгами отскакивая от изрезанных выступов. Повинуясь порыву, я распахиваю окно навстречу крикам чаек и неустойчивому шуму прилива. Пара голубей балансирует на телеграфном проводе. Они поворачивают головы в мою сторону, с любопытством разглядывая меня.

— Элиз. — Мсье Бофор входит в комнату, его голос пронзает меня насквозь. — Ты закончила? Могу подбросить тебя до станции.

— Спасибо. — Я закрываю окно, вытираю пыль с подоконника и поворачиваюсь к мсье Бофору, нацепив вежливую улыбку. Снимая с себя рабочую униформу, я следую за ним вниз по лестнице, вешаю тунику на заднюю сторону кухонной двери, и мы выходим на подъездную дорожку.

Он открывает передо мной дверцу машины.

— *Merci, Monsieur*¹. — Он — джентльмен, и я это ценю. Это заставляет меня чувствовать себя не столько его экономкой, сколько личностью.

¹ Спасибо, мсье (фр.).

— Какие у тебя планы на выходные? — спрашивает он, пока мы едем по обсаженным деревьями дорогам к станции в Сен-Бриё¹.

— Ничего особенного, пообедаем дома с дочерью, а потом, наверное, прогуляемся по пляжу.

— Как Жозефина?

Я тронута тем, что он помнит ее имя.

— Прекрасно, спасибо. Через месяц получает степень бакалавра. Хочет поступить в университет. — Я слышу гордость в своем голосе и вовремя останавливаю себя, чтобы не пуститься в рассказы о том, какая она умная девочка. — В прошлом месяце ей исполнилось восемнадцать.

— Уже? Она была совсем малышкой, когда ты начала работать у нас.

— Да. — Я откидываюсь на спинку сиденья, гадая, закончилась ли эта глава моей жизни. Я выполнила то, что намеревалась сделать. Жозефина благополучно достигла совершеннолетия, и скоро я расскажу ей правду. Ложь, которую я построила вокруг ее детства, разрасталась как невидимые тюремные решетки, сдерживая меня, заманивая в ловушку. Теперь только правда освободит меня. Но одна лишь мысль об этом приводит меня в ужас.

Остаток пути мы проводим в тишине, и я испытываю облегчение, когда впереди показывается железнодорожная станция. Поезд уже подан, и я благодарю мсье Бофора, прежде чем поспешить на платформу, где сажусь в пустой вагон и устраиваюсь на потертom бархатном сиденье. Я думаю о том, чтобы прогуляться с Жозефиной после обеда; с другой стороны, мне не хочется отвлекать ее от занятий. Как только она сдаст экзамены, у нас появится больше свободного времени и мы сможем поговорить. Поговорить по-настоящему. Я вижу, как она готовится расправить крылья и улететь, но не могу отпустить ее, пока не расскажу все, что ей нужно знать.

Когда поезд прибывает в Ланьон, я выхожу из вагона и направляюсь к автостоянке у дороги. Старенький зеленый

¹ Старинный город в регионе Бретань, на северо-западе Франции.

внедорожник «Рено» стоит на том же месте, что и каждую субботу, когда Суазик забирает меня со станции. — *Bonjour*¹, Суазик. — Я открываю пассажирскую дверь, забираюсь внутрь и приветствую ее легкими поцелуями в обе щеки. — Как ты?

— Жозефина сегодня вернется попозже, — так отвечает она на мой вопрос.

Сердце замирает, но я беру себя в руки, прежде чем спросить:

— Она ушла обедать к приятелю?

— Да, к Эрве. — Суазик поворачивает ключ в замке зажигания, и мы трогаемся с места.

Я искоса поглядываю на нее.

— Кажется, она проводит с ним много времени.

— Это здорово, что у нее появился парень. Не переживай, я провела с ней беседу о мальчиках и... — Она замолкает, и намек повисает в воздухе.

— Я тоже поговорю с ней. — Я пытаюсь закрепить свой материнский авторитет, чем и занимаюсь с тех пор, как родилась Жозефина.

Сосредоточенная на дороге, Суазик поднимает бровь. Я отворачиваюсь и смотрю в окно. Парусники в Бе-де-Сент-Анн брошены на берегу и лежат на боку, ожидая следующего прилива. Море смывает на своем пути все, что не закреплено якорем или не утоплено в песке. Иногда я жалею, что не могу вот так запросто смести прошлое, позволить волнам унести его далеко в океан, где оно останется навсегда. Но прошлое — это часть того, кто мы есть, и мне пора взглянуть ему в лицо. И Жозефине пора его узнать.

— Я приготовила обед. — Суазик бросает на меня взгляд. — Луковый суп, а к нему — свежий багет.

— *Merci*². — Я пришла к пониманию, что так Суазик показывает свою заботу. И в этом нет никакого притворства. Несмотря на ее едкие реплики и некоторую холодность, я знаю,

¹ Здравствуй. (фр.)

² Спасибо. (фр.)

что она искренне заботится о Жозефине и даже обо мне. Пусть мы не одной крови, но Суазик стала частью нашей маленькой семьи. Я просто не уверена, какую роль она взяла на себя — матери, бабушки или отца. Порой кажется, что все три сразу.

Мы поворачиваем за угол и подъезжаем к старому каменному коттеджу, который стал моим домом с тех пор, как я покинула Париж. Запахи чеснока и лука встречают меня, когда мы заходим внутрь, и теперь голод дает о себе знать. Суазик разливает суп по тарелкам; расплавленный сыр растекается между гренками и кольцами мясистого лука. Прежде чем взять ложку, она осеняет себя крестным знамением:

— Спасибо, Боже, за эту пищу.

— Аминь, — бормочу я.

Мы едим в дружеской тишине, рожденной многолетним знакомством. Суазик — не любительница светской беседы, и я привыкла к ее манерам. Таких, как она, называют неразговорчивыми, но у нее на то свои причины. Мы как раз доедаем суп, когда на кухню врывается Жозефина; в ее ярко-голубых глазах светится возбуждение.

— Мама, угадай! — Она даже не здоровается.

Я взволнована, видя дочь такой счастливой, и встаю, чтобы чмокнуть ее в щеку.

— *Bonjour*, Жозефина. — Рядом с ней стоит Эрве, и я протягиваю ему руку. Вспыхивая румянцем, он отвечает крепким рукопожатием. Кажется, славный парнишка.

— Угадай! — повторяет Жозефина, бросая взгляд на Эрве, а потом снова на меня. — Школа организует поездку в Англию.

Жозефина обожает все английское; она мечтает поехать в эту страну с тех пор, как «Битлз» выпустили свой первый альбом в прошлом месяце. Иногда я слышу, как она напевает их песни «Люби меня», «Пожалуйста, порадуя меня». Я смотрю на свою дочь, на это юное лицо, озаренное радостным волнением, и со знакомой тоской вспоминаю ее отца. У нее та же *joie de vivre*¹, тот же интерес к жизни, такое

¹ Жизнерадостность. (*фр.*)

же горячее желание попробовать эту жизнь на вкус. Но как тяжело у меня на сердце, когда я знаю, что придется разочаровать ее.

— Жозефина. Сожалею. Мы не можем себе этого позволить.

Ее глаза становятся на оттенок темнее, уголки рта опускаются, ямочки на щеках исчезают.

— Но ты даже не знаешь, сколько это стоит. И у меня осталось немного денег, подаренных на день рождения.

— Я знаю, что ты не все потратила. — Я сжимаю ее руку. — Но у нас нет таких денег, чтобы хватило на поездку.

Она выпускает глубокий вздох, и я чувствую, как все ее тело сдувается. Эрве поджимает губы, отводя взгляд, как будто смущенный. Деньги — не та тема, которую обсуждают вне семьи.

— У тебя даже нет паспорта, — вмешивается Суазик.

При слове «паспорт» мое сердце пускается вскачь. Жозефине нужно подождать еще немного, до окончания экзаменов, пока у нас не появится время, чтобы поговорить обо всем спокойно и обстоятельно.

— Я уверена, что смогу его получить! — Жозефина повышает голос, явно закипая от злости. Вместо того чтобы помочь осуществить ее мечты, мы мешаем ей, сдерживаем ее.

Я поворачиваюсь к Эрве.

— А ты едешь?

— Я собираюсь спросить своих родителей. — Он смотрит на Жозефину. — Они могли бы одолжить тебе немного денег.

— Нет! Об этом не может быть и речи, Эрве! — Я возмущена его предложением; еще не хватало, чтобы он взялся решать наши проблемы. — Будет еще много других возможностей. — Я снова обращаюсь к Жозефине, подводя черту под обсуждением:

— В любом случае, ты еще недостаточно взрослая для такого большого путешествия. — Я пытаюсь изобразить примирительную улыбку.

— Мама, я уже не маленький ребенок. — Жозефина отвергает мою улыбку. — И уверена, что смогла бы раздобыть

деньги. — Она бросает взгляд на Суазик, затем снова на меня. — Но ты все равно не хочешь, чтобы я ехала, не так ли? Ты даже в Париж не готова меня отпустить. Ты просто хочешь, чтобы я всю жизнь торчала здесь, в этой богом забытой Бретани.

— Нет, это неправда! — Ее внезапная эмоциональная вспышка застает меня врасплох. — Я знаю, что ты не ребенок.

— Тогда почему ты все еще относишься ко мне как к маленькой?

— Жозефина! — Суазик останавливает ее холодным каменным взглядом. — Довольно.

Жозефина нарочито громко вздыхает.

— Я не собираюсь оставаться здесь навсегда, ты знаешь.

— Я сказала: довольно. — Суазик встает из-за стола, для пущей убедительности складывая руки на груди.

Это ее дом, и мы живем по ее правилам. Мы не кричим и не ссоримся. Я внутренне съеживаюсь, сердце разрывается от жалости к дочери. На самом деле этот спор вовсе не из-за денег.

Жозефина не сдается:

— Пусть я не поеду в это путешествие, мне все равно. Я просто хочу покинуть этот дом и Трегастель. Он такой... такой маленький. И люди такие...

Она поворачивается к Эрве — по нему видно, что он предпочел бы оказаться где угодно, только не там, где находится. Она берет его за руку и увлекает за собой к двери.

Глава 2

Бретань, май 1963 года

Жозефина

— Я тогда тоже не поеду. — Эрве обнимает Жозефину за плечи, когда они идут по прибрежной дороге к его дому.

Она резко останавливается, отступает в сторону и поворачивается к нему лицом.

— Дело не в поездке. Я просто сыта по горло тем, что мы даже не можем поговорить об этом. Я могла бы найти способ раздобыть деньги; у меня есть кое-какие сбережения, но мама не хочет, чтобы я уезжала. Она вообще не хочет, чтобы я что-то делала. Она всего боится. Боится жизни! — Жозефина переводит дух. — Мне даже не разрешают выходить из дома в субботу вечером.

— Но суббота — единственный день недели, когда твоя мама может провести вечер дома.

— На чьей ты стороне? — *Почему он не видит, насколько жестко ее контролирует мать?*

— Мне жаль твою маму.

Жозефина с прищуром смотрит на него.

— Что-что?

— Ну, у нее не так много денег, верно? И она совсем одна.

— У нее есть Суазик. В любом случае, это ее вина. Она никогда не хотела ни с кем встречаться. У нее были предложения, но никто не казался ей достойным внимания. — Жозефина

снова пускается в путь, и беспокойная энергия захлестывает ее, когда она думает о том, что мать даже не хочет поговорить об отце — Фредерике, застреленном во время освобождения Парижа. Всякий раз, когда Жозефина поднимает эту тему, мать меняется в лице, настораживается и отводит взгляд, как будто погружаясь в собственный тайный мир.

— Я мог бы одолжить тебе немного денег, — предлагает Эрве. — Мне тоже нужно получить паспорт. Мы могли бы сделать это вместе.

— Что для этого понадобится?

— Я не знаю. — Он ловит ее ладонь, и они шагают рядом, размахивая сцепленными руками. — Наверное, свидетельство о рождении?

— Я даже никогда не видела своего свидетельства.

— Ну, оно должно быть у каждого. Спроси свою маму. К тому же всегда можно получить копию в местной ратуше.

Эрве, кажется, знает обо всем куда больше, чем она, и это ее слегка бесит.

— Я возвращаюсь. Хочу поискать свое свидетельство о рождении.

— Что, прямо сейчас?

— Да. Докажу ей, что я не ребенок. Я намерена оформить себе паспорт.

— Она чмокает его в щеку и спешит домой, полагая, что Суазик и мать, вероятно, еще в полях, загоняют коров на ночь после пастбища. Конечно, она могла бы просто попросить свое свидетельство о рождении, но не хочет новой ссоры. И она догадывается, где может быть спрятано свидетельство — в маленьком чемоданчике под кроватью матери, где хранятся старые фотографии и документы. Не то чтобы Жозефине категорически запрещено заглядывать в него; это лишь одно из негласных правил, которое не позволяет рыться в чужих личных вещах.

Удача на ее стороне: в доме — никого. Она заходит на кухню, затем поднимается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, в единственную комнату наверху — спальню своей матери. Посередине стоит простая кровать из темного